

А.В. ШАРАПО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений. Разработал базовый лекционный курс «История международных отношений». Автор более 70 научных работ. С 1995 г. руководит комплексной научной программой «Международные аспекты развития Республики Беларусь». Под его руководством защищено более десяти докторских и кандидатских диссертаций.

The article concedes the main aspects of the FRG current foreign policy and the factor having influence upon the foreign policy doctrine formation. The author focuses on the analysis of the FRG foreign policy priorities such as relation with the EU, partnership with US, reinforcing of the UN and strengthening of the OSCE. Special attention is given to the role of the german parties and their influence on the foreign policy. The author comes to the conclusion that the FRG is one of the most powerful and influential state of the modern world.

Основным и решающим фактором, определяющим концепцию внешне-политической деятельности ФРГ, влияющим на принятие конкретных решений по вопросам внешней политики, является высокое экономическое, политическое и духовное состояние этой страны. В своем правительственном заявлении в германском бундестаге 10 ноября 1998 г. федеральный канцлер Герхард Шредер отметил: «Наше национальное самосознание базируется не на традициях права "права крови", провозглашенного при кайзере Вильгельме II, а на уверенности нашей демократии в себе. Мы гордимся этой страной, ее ландшафтами и культурой, изобретательностью ее жителей и желанием работать. Мы гордимся старшим поколением, которое построило эту страну после войны и обеспечило ей место в мирной Европе... Речь идет о самосознании повзрослевшей нации, которая не должна ощущать превосходство или неполноценность по отношению к другим, которая не отказывается от своей истории и ответственности»¹.

Имея население в 82 млн человек и третью в мире по могуществу экономику, Германия стала самым крупным и мощным государством Западной Европы², что позволяет выстраивать самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, оказывать действенное влияние на мировые процессы и события не только на европейском континенте, но и в мире. Германия имеет 222 зарубежных представительства, в том числе 141 посольство, 62 генеральных консульства или консульства, 12 постоянных представительств при международных организациях, а также сеть иных зарубежных представительств и поддерживает дипломатические отношения с более чем 180 странами³.

Характеризуя концептуально нынешнюю внешнеполитическую деятельность этой страны, отметим, что кабинет Г. Шредера, став в значительной степени преемником послевоенных поколений немецких правителей, вынужден считаться с вызовами современного мира и учитывать особенности современной международной обстановки. Так, Конрад Аденауэр в основу своей внешней политики ставил стимулирование и встраивание Германии в сообщество европейских народов с целью возврата былого доверия к немцам, Вилли Брандт приспособил свою внешнюю политику к атмосфере периода разрядки, федеральный канцлер Гельмут Шмидт внес активный вклад в обоснование так называемого «двойного решения» НАТО, Гельмут Коль в горбачевскую эпоху пытался сформировать новый европейский порядок и углубить интеграцию в Европейский союз. Все предыдущие руководители страны были в определенной степени самостоятельны в принятии важных внешнеполитических решений. На долю же канцлера Г. Шредера выпала в

этом смысле «другая судьба»: у современной ФРГ, связанной многочисленными интеграционными узами и обязательствами, тесно вовлеченной в реализацию многосторонних и двусторонних международных проектов, простор для проведения автономной внешней политики невелик. В этой связи можно говорить об определенной утрате кабинетом Г. Шредера «суверенитета» в принятии решений по актуальным международным проблемам по сравнению со своими послевоенными предшественниками.

Такое положение объясняется рядом отличий и причин, среди которых наиболее важными являются: развитие процесса не только экономической, но и внешнеполитической глобализации, усиление роли международных организаций, увеличение зависимости от своих союзников по НАТО и Европейскому союзу в принятии внешнеполитических решений, изменение в векторном построении внешней политики, в частности, ее восточного направления и так далее, а также раскладом политических сил внутри самой Германии. Можно сказать без преувеличения, что в нынешней и перспективной внешней политике Германии определенную роль будут играть позиции ее партнеров по Европейскому союзу, особенно по проблемам формирования общего внешнеполитического курса, касающегося вопросов обеспечения европейской безопасности и внешнеэкономической деятельности. В этом плане можно говорить о «европеизации» внешней политики ФРГ. В то же время, учитывая экономическую мощь этой страны и ее особые отношения с такими государствами, как США, Великобритания, Франция, странами Восточной Европы, отметим определенную «германизацию» европейской политики, значительное усиление германского фактора на формирование внешнего курса европейских стран.

Кроме того, характеризуя особенности нынешнего внешнеполитического курса ФРГ, необходимо сказать и о личностных факторах. В отличие от своих предшественников новый федеральный канцлер Г. Шредер оказался «новичком» во внешней политике. Например, при смене власти осенью 1982 г. на арену вступил уже весьма искушенный в вопросах европейской и мировой политики лидер оппозиции Г. Коль, не говоря уже о его именитых в области международных дел предшественниках К. Аденауэре и Г. Шмидте. Новый канцлер предстал в глазах общественности как лидер социал-демократов, склонный к изменениям, не несущим больших преобразований. Как отмечает газета «Файнэншл тайм» (1.06.99 г.), «его облик символизирует в какой-то мере приход к власти в Германии новых политиков, родившихся после второй мировой войны либо заставших ее в младенческом возрасте и не обремененных воспоминаниями о периоде нацизма, что накладывает отпечаток на всю ее современную политику, начиная с самого высокого уровня». Таким лидером и является 57-летний Г. Шредер, не имеющий никаких воспоминаний о войне и олицетворяющий новое поколение, не связанное угрызениями совести с прошлым, характеризующееся большими амбициями и отличающееся неопытностью.

Еще меньшим опытом международной деятельности обладал представитель партии «зеленых» нынешний министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер. Ему стоило больших трудов пересмотреть свои собственные взгляды и перейти от чистого пацифизма к более сбалансированной позиции. Как он сам выразился по этому поводу, «к отрицанию войн у него добавилось отрицание поражений». Напомним в этой связи, что именно на начало «правления» Й. Фишера в иностранном ведомстве пришлось события в Косово. Для Германии принятие решения предоставить свои войска для поддержания операций НАТО на Балканах имело особое значение, так как впервые после 1945 г. она задействовала свой воинский контингент за рубежом. На первый этап руководства Г. Шредера и Й. Фишера пришлось и сменное председательство ФРГ в Европейском союзе, начавшееся в первой половине 1999 г. Тогда Бонн поставил перед собой амбициозную задачу – разрешить в корот-

кие сроки нависшие над Европейским союзом проблемы в области финансов, сельскохозяйственной и региональной политики как непереносимое условие вступления в ЕС новых членов из Восточной и Центральной Европы. На этот же период приходится и представительство Германии в группе восьми наиболее развитых стран, что внесло дополнительные трудности в начальную работу кабинета Г. Шредера в области международных отношений.

Отметим, что как Г. Шредер, так и Й. Фишер довольно быстро освоились с новой для них обстановкой и к настоящему времени, согласно опросам общественного мнения, возглавляют число наиболее влиятельных лиц ФРГ. В качестве основополагающего пункта своей не только внутренней, но особенно внешней политики они взяли тезис о том, что немцам еще предстоит найти себя как нации, особенно после объединения Германии, дать самим себе определение, кем они были в прошлом, что представляют сейчас и какими они хотели бы видеть себя в будущем. По словам Г. Шредера, «немцы по прошествии более полувека со времени второй мировой войны хотят выглядеть как новая нация, равная с другими, не несущая на себе никакой вины за прошлое». Основываясь на этих концептуальных аспектах, кабинет канцлера Г. Шредера начал и продолжает выстраивать свою внешнюю политику. Разъясняя ее цели и задачи, министр иностранных дел ФРГ в своем выступлении на конференции германских послов (4–6 сентября 2000 г., Берлин) подчеркнул, что «произошедшие глубокие изменения в самой Германии, в Европе и в мире в целом вызывают необходимость стратегически переосмыслить внешнеполитические интересы ФРГ»⁴.

Основными направлениями германской внешней политики Й. Фишер называл завершение европейской интеграции, укрепление трансатлантического партнерства, содействие развитию регионального сотрудничества за пределами Европы, усиление роли ОБСЕ и ООН. В рамках решения этих стратегических задач он выделил шесть «важнейших проектов» внешнеполитической деятельности ФРГ (даются в порядке, названном Й. Фишером):

- расширение и углубление европейской интеграции на уровне Европейского союза (в 2000 г. разработан план важнейших этапов развития ЕС и определены задачи ФРГ в свете его расширения на Восток);
- стабилизация обстановки в Юго-Восточной Европе и подключение ее к европейской интеграции;
- расширение сотрудничества и взаимодействия за пределами Европы (ФРГ исходит из того, что за счет расширения Европейского союза он приобретает новых соседей – Россию, каспийский регион, Ближний и Средний Восток);
- укрепление ООН (концепция министерства иностранных дел ФРГ исходит из того, что мир в XXI в. будет многополярным и его проблемы смогут решаться на основе совместных действий на глобальном уровне; без сильной дееспособной Организации Объединенных Наций невозможно решение крупных проблем человечества, задач по обеспечению всеобщего мира и осуществлению прав человека);
- обеспечение тесного партнерства с Соединенными Штатами Америки и другими странами, играющими важную роль на международной арене («ФРГ исходит из того, что тесные дружественные отношения с США, совместная прочная интеграция в трансатлантические структуры, в НАТО будут играть в XXI в. решающую роль»);

– модернизация дипломатической службы путем осуществления всеобъемлющей реформы (расстановка в деятельности дипломатов новых приоритетов, отказ от прежних малоэффективных форм и методов работы и т. д.).

В целом, по словам Й. Фишера, «менталитет стереотипной нацеленности на решение проблем только сегодняшнего дня должен смениться концептуально-стратегическим мышлением. Следует отметить, что первые шаги по реформированию всей системы внешнеполитической деятельности уже

сделаны, в частности, проведено новое разделение полномочий в МИДе ФРГ (статс-секретарь Г. Плойгер, по мнению газеты «Берлинер цайтунг», получил «необычайно сильные полномочия», подчинив себе три центральных отдела МИДа, курирующих европейскую политику, отношения с Россией и США, кадровые вопросы).

За этими, казалось бы, кадровыми частностями стоят большие планы ведомства иностранных дел ФРГ по дальнейшим разработкам и модернизации концептуальных положений своей внешней политики. В качестве примера можно привести активизацию аналитических исследований немецких ученых-международников в области германо-американских отношений. Как отмечает газета «Файнэншл таймс», в настоящее время перед ФРГ, как и перед другими европейскими государствами, стоит дилемма – в построении какого мирового порядка Германия будет участвовать в XXI веке: один путь – одобрение концептуальных проектов США, в основе которых лежит разделение мира на «цивилизованное» евро-атлантическое ядро (так называемый «золотой миллиард») и на аморфную группу других, развивающихся и бедных стран, которым будут диктовать правила игры на международной арене; другой путь – равноправное сотрудничество, исключаящее гегемонию одной или ряда стран).

В значительной степени ответ на этот вопрос кроется в тех или иных перспективах **германо-американских** отношений, которые будут выработаны и взяты за основу Министерством иностранных дел ФРГ в ближайшем будущем. Что касается самих германо-американских отношений на современном этапе, следует отметить, что говорить о каком-либо их охлаждении или ухудшении оснований нет: США были и остаются ближайшим союзником ФРГ на мировой арене. Приоритетность американского вектора во внешней политике ФРГ была еще раз подтверждена в коалиционном соглашении СДПГ и «Союза-90/зеленые» от 20 октября 1998 г., в правительственном заявлении Г. Шредера от 10 ноября 1998 г., а также в его и Й. Фишера многочисленных заявлениях в ходе визитов и встреч с американскими государственными деятелями.

Вместе с тем аналитики американо-германских отношений отмечают появление, а по определенным проблемам и обострение трений и противоречий во взглядах на ряд актуальных международных проблем и на пути их разрешения. Например, в конце 1998 – начале 1999 г. выявились расхождения в рамках НАТО между США и ФРГ сначала по вопросу альянса о ядерной доктрине, а затем о целесообразности наземной операции против Югославии. Дальнейший же ход принятия новой стратегической доктрины НАТО и участие ФРГ в военной операции на Балканах продемонстрировали принципиальную поддержку политики США. На изменение отношений между Германией и США, снижение динамики германо-американского сотрудничества оказали влияние два основных фактора.

Во-первых, отсутствие стабильной базы поддержки тесных отношений с США внутри самой ФРГ. Как показывают опросы общественного мнения о желательности дальнейшего сближения Соединенных Штатов Америки и Европы, в частности ФРГ, положительно высказываются лишь 38 % немцев (ниже среднего уровня опросов по другим европейским странам). Некоторые антиамериканские настроения выявили и предвыборные программы в ходе региональных парламентских выборов 1999 г. и выборов в европейский парламент, итоги которых показали значительное влияние христианских демократов (Гессен, Тюрингия, Берлин, Саарланд). Это вынудило правящую коалицию пойти на некоторые изменения и отказаться от подчиненно-восторженной поддержки политики США⁵.

Во-вторых, воздействие на американо-германские отношения оказал качественный скачок в продвижении европейской экономической (введение с 1 января 1999 г. евро) и политической (Амстердамский договор 1 мая

1999 г.) интеграций, укрэпавышый пазіцыі ФРГ на еўрапейскім кантыненте і даваўшы дадатковы стымул к узмацненню ў Еўропе тэндэнцыі к большай незалежнасці ад США. Асабліва ярка элементы такой незалежнасці праяўляюцца ў планах Еўросоюза па стварэнню свайго аб'яднанага вайсковага контынгента, узмацненню еўрапейскай палітыкі ў вобласці бяспекі і «неваеннаму управленню ЕС крызіснымі сітуацыямі». ФРГ выступае, як вядома, генератарам падобнага рода ідэй, рэалізацыя якіх дазволіць краінам саюза, пачынаючы з 2003 г. развернуць у зоне лакальнага канфлікту корпус хуткага рэагавання лічэннасцю 50–60 тыс. чалавек на срок да аднаго года. Галоўны сэнс стварэння ў рамках ЕС такога вайсковага патэнцыяла заключаецца ў абмежаванні залежнасці еўрапейцаў ад США і НАТА, дзе амерыканцы іграюць ключавую ролю.

Об узмацненні прагматызму во знешняй палітыцы ФРГ можна гаворыць і аналізуючы яе нункешныя сувязі **со сваімі еўрапейскімі саюзнікамі** па ЕС і НАТА. Асабліва паказатальны ў гэтым плане адношэнні Германіі і Францыі. Адзначым, што ФРГ 1960–1970-х гг. не прэтэндавала на ролю еўрапейскага лідэра ў ініцыяванні праектаў міжнароднай палітыкі, застаючыся як бы ў цені. Напрыклад, канцлер Г. Шмідт падкрэплваў, што «Германіі неабходна асцягаватся занадта ўж адкрытага выхада на перадняй план, асабліва што кацаецца еўрапейскай палітыкі»⁶.

Положэнне ў карне змянілася ў 1990-х гг., асабліва пасля перамоў Г. Шредэра, якога ўжо не ўстраівала роля «вторага» ліца во французска-германскіх адношэннях. Першыя прызнакі іх вызначаных ахалажджэнняў з'явіліся ў перыяд 1995–1998 гг. Он характэрызавался пераходам ад доверітальных кантактаў Г. Коля і Ф. Міттерана к больш дзеловым сувязям між Г. Колям і Ж. Шіракам, а затым к чыста прагматычным адношэнням Г. Шредэра і Ж. Шірака. Асабныя разнагласіа у нункешных рукаводіцелях абейх краін вызывае праблема расшырэння Еўрапейскага саюза, разлічны падыход к рашэнню якой быў прадэманстраван абеймі старонамі ў дыскусіях па «Павестке дня 2000»: еслі ФРГ прывітствавала і настаівала на ўскорэнні працэса ўключэння вострачнэварапейскіх краін ў ЕС як адном з пуцяў стабілізацыі абстаноўкі і расшырэння рынкаў, то Францыя, ў цэлым паддэржываючы гэты працэс, прывітвала праяўляць сдэржаннасць і асцярожнасць. Напрыклад, ў сваёй статые ў газэце «Файнэншл таймс» міністр інастраанных дэл Францыі Юбер Вэдрін адмечал, што «Еўрапейскі саюз – гэты свайго рода клуб, ў які ўсе хатяць ўступіць..., но гэты працэс азначае нешто большае, чым проста лічэннае змяненне яго саава. Гэты рэальны вызав. На карту паставлена сама судьба саюза»⁷. Такую жа мысль высказаў і прэзідэнт Ж. Шірак, выступая перад дэпутатамі бундэстага ФРГ: «На карту паставлена само сущэстваванне саюза ў польным сэнсе гэтага слова, непасрэдаствэнна затрагівая нашы краіны і народы, іх історыю і нацыянальную саабытнасць. Речь ідэа о сааой арганізацыі нашых абщэств. Гэты праблемы надо рашаць, но с асабой тшчэаельнасцю»⁸.

Рассатравая расшырэнне Еўрапейскага саюза ў плане германо-французскіх адношэнняў, неабходна адмечыць, што абеспакоеннасць Францыі вызывае не толькі і не столькі перспектыва ўвэлечэння свайой долі асыгнаванняў на гэты працэс, скоько възможнаасці смяшчэння геопалітычэскага цэнтра тяжэсці ЕС на савэро-восток і на восток, т. е. пры удаленні яго ад Францыі і сахраненні пры гэтым цэнтральнага положэння ФРГ. А такая тэндэнцыя намечается, о чэм свідэтэльствуе появлэнне тэорыі «наоваго цэнтрызма», сущэ якой ізложылі Т. Блэр і Г. Шредэр ў саамастняй канцэпцыі пад названнем «Пуця вперед для саацал-дэмакратов Еўропы» (замечым, што ў наасташчэе врэмя 11 із 15 членов ЕС управляюцца саацал-дэмакратычэскімі правітэльствамі). Поаміа тоаго, што канцэпцыя Блэра – Шредэра прадэманстравала значітэльное ўсілье взааапонімаання між аубеймі краінамі па вопросам еўрапейскай і міравой палітыкі, она пока-

зала их определенное дистанцирование от интересов Франции, которая категорически отклонила эту концепцию. Как заявил французский премьер-министр Жоспен, «французские левые не должны позволять германским и британским социал-демократам поучать себя, им следует идти собственным путем»⁹. Настороженное отношение Франции к активизации германо-британских контактов имеет двоякое объяснение: с одной стороны, Парижу не нравится, что Великобритания, до сих пор не вступившая в валютный союз ЕС, претендует на равное с Францией и ФРГ политическое влияние на европейском континенте, с другой – Франция опасается, что нынешние тесные связи Германии и Великобритании могут привести к созданию какого-либо вида новых коалиций без ее активного участия.

Данное положение свидетельствует о все более расчетливой и подчиненной в первую очередь интересам самой Германии внешней политике ФРГ на западноевропейском направлении. Вместе с тем нельзя говорить о том, что в своей восточной политике ФРГ полностью игнорирует мнение Франции. Встречи в рамках «Веймарского треугольника» (ФРГ, Франция, Польша) показывают, что как Бонн, так и Париж заинтересованы в приобщении **восточноевропейских стран** к европейским ценностям во всех смыслах этого слова, правда, понимая очередность, пути и сроки такого приобщения по-своему. В отличие от Франции, рассматривающей восточноевропейские страны с точки зрения внешнеполитических интересов как единый блок, ФРГ в своей восточной политике отдает предпочтение и приоритеты прежде всего своим соседям, в частности Польше. Особо ярко это было продемонстрировано в ходе торжеств, посвященных тысячелетнему юбилею официальных германо-польских отношений (в мае 1000 г. в г. Гнезно, на западе Польши, произошла встреча немецкого кайзера Отто III и польского короля Болеслава I). Канцлер Г. Шредер, выступая на юбилейных торжествах, отметил, что «после омраченного трагическими периодами длительного прошлого в настоящее время отношения между двумя странами весьма дружеские и не имеют проблем»¹⁰. В последние шесть лет правительство ФРГ выделило Польше на осуществление проектов модернизации в различных хозяйственных сферах 118 млн марок. Начиная с 1991 г. показатели экспорта и импорта в двустороннем товарообмене ежегодно возрастают. Около 180 германских фирм уже инвестировали в Польшу более 1 млн марок, действуют около 7 тыс. германо-польских предприятий. В целом Германия является одним из основных торговых партнеров Польши, а Польша – для ФРГ среди стран Восточной Европы. Ежегодный товарообмен между ними составляет более 40 млрд марок¹¹.

В определенной степени тенденция выстраивания более прагматических отношений характерна и для современного **восточного вектора** внешней политики ФРГ, особенно его российского направления. Как известно, в эпоху Г. Коля и Б. Ельцина они отличались подчеркнутой дружелюбностью и взаимопониманием, во многом объясняющимися хорошими личными отношениями между этими двумя лидерами. Концептуально эти внешнеполитические связи строились на позициях «русоцентризма», когда России отдавался несомненный приоритет и направлялась львиная доля экономической помощи и кредитов, а сама Россия рассматривалась как основной гарант стабильности и демократических реформ на всем постсоветском пространстве. Кроме того, учитывалось и наличие на территории СНГ, и особенно России, более чем двухмиллионного немецкого населения, которое в условиях углубления экономического кризиса и нарастания политической нестабильности стремилось переселиться на историческую родину (в 1993–1996 гг. из бывшего СССР в ФРГ эмигрировали 802 тыс. немцев)¹².

Все эти факторы, несомненно, продолжают учитываться и нынешним кабинетом Г. Шредера, однако говорить о восторженно-дружеских германо-российских отношениях уже не приходится: прагматизм – вот что лежит в

основе современных внешних связей между этими странами. Такая трансформация внешнеполитического курса Германии характерна не только по отношению к России, но и ко всем государствам СНГ, которые, в отличие от «эпохи Коля», сейчас уже рассматриваются не как части бывшего СССР, а как суверенные субъекты международных отношений. Причем по мере выхода этих стран из кризиса и интеграции в мировую экономику прогнозируется рост их экономического сотрудничества с ФРГ. Но маловероятно, что за расширением экономических связей последует увеличение политического влияния Германии в СНГ, так как правящие круги этой страны не желают оказаться вовлеченными в разрешение целого комплекса политических, экономических и межнациональных проблем постсоветского пространства¹³.

Выше мы говорили об основных внешних факторах, определяющих геополитический курс ФРГ на современном этапе. Существуют и внутренние аспекты. Один из них, оказывающий решающее влияние на выработку внешней политики ФРГ, – это позиция по этому вопросу ведущих, в том числе и оппозиционных политических партий Германии. В этой связи отметим, что социал-демократическому правительству Г. Шредера досталась в наследство самая опытная за послевоенные годы оппозиция ХДС/ХСС, имеющая за плечами 16-летний опыт правления страной. По словам К. Ламера, депутата бундестага и представителя фракции ХДС/ХСС по вопросам внешней политики в этом органе, «несмотря на то, что мы (ХДС/ХСС – А. Ш.) вот уже более двух лет находимся в положении оппозиции, кабинет Г. Шредера, хочет он того или нет, вынужден считаться с мнением партийных фракций, особенно что касается принятия решений по актуальным и важнейшим для судеб ФРГ и Европы внешнеполитическим проблемам»¹⁴. Показательна в этом смысле динамика развития отношения правительства ФРГ к планам США по развертыванию НПРО в зависимости от позиций партий этой страны. Вот, например, как проходили дискуссии по этому вопросу в бундестаге ФРГ. Как известно, первоначальная реакция правительства ФРГ на заявление Дж. Буша по НПРО была нейтральная. Например, министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер («зеленые»), выступая в бундестаге на первых слушаниях по этой проблеме, назвал планы США по созданию национальной системы противоракетной обороны «делом самих американцев». Такую же выжидательную позицию на этом этапе заняли многие представители Свободно-демократической партии и ХДС/ХСС. Вместе с тем в бундестаге прозвучали и другие, более определенные мнения. Представитель комитета по обороне бундестага социал-демократ Х. Вичорек, а также эксперт по обороне парламентской фракции партий «Союз-90/«зеленые»» А. Беер считают, что подключение европейских государств к созданию системы НПРО не оправдано ни с политической, ни с экономической позиций. Появление таких, в определенной степени антиамериканских, настроений в партийных рядах ФРГ стало результатом общего негативного настроения большинства немцев по отношению к планам включения Европы и Германии в американскую систему противоракетной обороны. Как показывают социологические опросы, проведенные политологическими институтами «Инфотест» и «Димап», 59 % немцев высказались за то, чтобы Берлин отказался участвовать и поддерживать создание НПРО, 8 % граждан ФРГ заявили о нейтральной позиции и лишь 33 % опрошенных убеждены, что такие планы позволят обеспечить безопасность европейцев. Примечательно, что большинство сторонников НПРО в ФРГ являются активистами оппозиционных Христианско-демократического союза и Свободно-демократической партии (43 % из числа немцев, одобряющих план «звездных войн»)¹⁵.

За последнее время на фоне негативного отношения к планам США в ФРГ все более громко раздаются голоса в их поддержку, особенно со стороны оппозиционных партий. Например, премьер-министр федеральной земли Бавария, председатель Христианско-социального союза (ХСС) Э. Штойбер,

выступая на партийной конференции ХСС, заявил, что «правительству ФРГ следует пересмотреть свою нелояльную позицию по отношению к НПРО и серьезно заняться этим вопросом, так как существует угроза того, что немецкие города могут оказаться в пределах досягаемости баллистических ракет, находящихся в распоряжении диктаторских режимов Ближнего Востока»¹⁶. Подобную позицию занимает эксперт по вопросам обороны Христианско-демократического союза П. Бройер: «...европейцы должны, безусловно, поддержать американскую инициативу и надежно защитить себя от возможных ракетных ударов "государств-изгоев"»¹⁷. За участие в НПРО выступил и бывший министр обороны ФРГ христианский демократ Ф. Рюе, полагающий, что «участие европейцев в программе создания противоракетного щита даст европейцам возможность разработать новую концепцию в области безопасности, которая бы базировалась не только на стратегии устрашения и ядерного сдерживания, но и включала бы в себя элементы защиты государств от шантажа со стороны узкого круга стран при помощи оружия массового поражения»¹⁸. Все они, правда, оговаривали условия, при которых следовало бы поддерживать планы по созданию НПРО.

Таким образом, Федеративная Республика Германия вступила в новое столетие как активный и влиятельный участник политики мира, межгосударственных объединений и международных организаций, с мнением которого считаются все ведущие державы мира при выработке своего внешнеполитического курса, а также решений по конкретным и актуальным региональным и мировым проблемам. Вместе с тем ФРГ не обладает полной самостоятельностью во внешней политике и вынуждена подчинять свои узконациональные интересы потребностям коллективной, союзнической выгоды. Анализ внешнеполитической деятельности этой страны показывает, что на современном этапе Федеративная Республика Германия строит свою внешнюю политику прежде всего в целях реализации таких основополагающих концептуальных задач, как активизация и ускорение процесса европейской интеграции и расширение ЕС, повышение роли ФРГ в системе европейской безопасности, в частности, через структуры ОБСЕ, СЕ и особенно Североатлантического альянса, поддержание и усиление дружеских отношений с США, Японией, союзниками ФРГ по Европейскому союзу, другими ведущими мировыми державами, активизация деятельности по дальнейшему продвижению демократических реформ в Восточной Европе и странах СНГ. Все вышеперечисленные факторы свидетельствуют о вхождении ФРГ в число наиболее влиятельных государств в современном мире.

¹ См.: Internationale Politik. 1999. № 11.

² См.: Файнэншл таймс. 1999. 1 июня.

³ См.: Компас. 1999. № 41.

⁴ Там же.

⁵ См.: США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 8.

⁶ См.: Internationale Politik. 1999. № 11.

⁷ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 15 сент.

⁸ Там же.

⁹ Internationale Politik. Указ. пр.

¹⁰ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 3 мая.

¹¹ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 15 сент.

¹² См.: ЦМИ МГИМО. 1999. № 14.

¹³ Алгунян Д. Политика Германии в отношении стран СНГ // ЦМИ МГИМО. 1999. № 14.

¹⁴ Независимая газета. 2001. 26 апр.

¹⁵ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 12 марта.

¹⁶ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 1 марта.

¹⁷ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 26 февр.

¹⁸ Там же.